

Если бы
эти
крылья

могли
летать

КАЙРИ МАККОУЛИ

Freedom

МОСКВА 2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Kyrie McCauley

IF THESE WINGS COULD FLY

Copyright © 2020 by Kyrie McCauley

Jacket art and design by David Curtis

Jacket © 2020 by Kyrie by HarperCollins Publishers

All rights reserved

МакКоули, Кайри.

М15 Если бы эти крылья могли летать / Кайри Мак-Коули ; [перевод с английского В. С. Минченковой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 464 с. — (Young Adult. Важные книги для молодёжи).

ISBN 978-5-04-110092-6

Она на виду у всего города. Но одна наедине с белой. Каждый день Лейтон борется за себя и своих сестер. Дом стал для нее тюрьмой, а родной отец — тираном. Обуреваемый гневом, он мучает семью, омрачая жизнь своих близких. На помощь девушке приходит один-единственный человек — юный художник Лиам. Чувства, возникшие к Лейтон, делают его сильнее. Он поддерживает девушку и помогает поверить в себя. Выжить любой ценой и остановить кошмар — задача Лейтон. А еще сломать стену молчания, которая окружает их городок. И похоже, так внезапно зародившаяся любовь может спасти Лейтон, даже если она сама в это не верит...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Минченкова В.,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110092-6

Посвящается ТК

Дорогой читатель!

Подобно многим другим историям, эта начинается с вопроса: *что, если?* Что, если я могла бы пройти сквозь время и поговорить с шестнадцатилетней собой? Я точно знаю, что я ей сказала бы: «*Это ненормально. Ты не одинока*». В тот момент другое *что, если* заполняло мои мысли. *Что, если* сегодня это зайдет слишком далеко? *Что, если* на этом моя история закончится? Я не знала, что это являлось домашним насилием. Никто никогда не описывал такое подобным образом. И я уж точно не встречала этого в книге.

Став взрослой, я обратилась к правозащитной деятельности. Во время волонтерства в центре по борьбе с бытовым насилием я изучала его социологические первопричины. Но чем больше знаний получала, тем сильнее желала иметь возможность вернуться назад и поделиться этими

с трудом добытыми знаниями с той версией меня, которая нуждалась в них больше.

А затем я осознала, что не нуждаюсь в путешествии во времени, чтобы найти подростков, которым необходимо услышать эти слова. Они здесь и сейчас ищут истории, ответившие бы на все вопросы, какие они не могут сформулировать. Я написала *«Если бы эти крылья могли летать»* так, чтобы те, кто никогда не переживал подобного, сумели лучше понять всю сложность механизма домашнего насилия. И написала так, чтобы каждый, кто сталкивался с ним, смог услышать следующее: *«Это ненормально. Вы не одиноки»*.

Передо мной всегда стояла цель рассказать эту историю через призму надежды и донести ее необходимость до читателя, который сильнее всего в ней нуждается. Вдохновить на новое *что, если*.

Что, если все это не конец истории, а лишь начало?

Спасибо.

Кайри Маккоули

The image features a light gray background with black silhouettes of bare, gnarled tree branches. Several birds are depicted in flight, scattered across the scene. In the lower-left corner, a crow is perched on a branch. The text is centered in the middle of the image.

ОБЕРН, ПЕНСИЛЬВАНИЯ
2 СЕНТЯБРЯ

ПОПУЛЯЦИЯ ВОРОН:
212

Глава первая

В промежутках тишины я гадаю, не мертва ли она.

Мое окно открыто. Деревянные створки широко распахнуты. Они приглашают фантомный ветерок. Я втягиваю в себя влажный воздух и смотрю на небо. Тяжелые облака, ни капли дождя.

Мать-природа, ты такая задира.

Наш город в ожидании дождя, облегчающего засуху. Дождь смывает пот, который крепко прилипает к нашим телам каждый день, стоит только выйти наружу. Дождь разобьет крепкую сухую землю под увядающими на полях посевами. Дождь — это жизнь. Дождь есть всепрощение.

Я снова слышу его: низкий, грохочущий звук. Не будь глупой, это не гром. Его голос громок, как голос самого Господа, и злобен, точно у Дья-

вола. Я пытаюсь не обращать на него внимания, но затем слышу тихие шаги по ковру в коридоре. В следующее мгновение моя дверь открыта. Внутрь входят девочки. Мы втроем сидим под моим окном. Каждая сестра съжилась под одной из моих рук.

Словно я могу защитить их.

Мои руки обнимают их за плечи.

— Все нормально, — шепчу я им и самой себе.

Крик наполняет дом. Это не мама. Это вступительный вопль классической рок-композиции. Когда ударяют басы барабанов, дверь моей комнаты сотрясается.

Эта ночь на полную громкость.

Легкое движение воздуха через открытое над нами окно. Тонкая линия мускулов на руке сестры напрягается от страха. На дальней стене комнаты появляется темный силуэт птицы.

— Это Джо, — говорю я, высвобождаясь из их объятий. И поворачиваюсь лицом к свирепым черным сияющим глазам. Так близко его клюв выглядит зловеще острым. Обычно он не появляется на окне. Эта птица любит сидеть на почтовом ящике. Или на заборе рядом с нашей автобусной остановкой на углу. Или на самой нижней ветке дерева на нашем переднем дворе. Джо — особенный среди остальных черных птиц. Он выделяется серыми перьями на брюхе и спине, а также отличается своим преданным присутствием рядом с нами. Всегда.

Джо каркает. Взмахивает крыльями, демонстрируя напускную храбрость, и поворачивается.

— Пока, Джо, — произносит Джунипер, когда он улетает прочь.

Внизу на первом этаже что-то падает.

— Мама, — произносит Кэмпбелл. Я представляю этот удар. Мамины слезы. Смотрю в глаза Кэм. В них отражается мой собственный ужас.

— Пойду, проверю, как она. — Не существует такого понятия, как шептать поверх музыки, так что я почти кричу. Сжимаю ее костлявые маленькие ручонки на один барабанный проигрыш для успокоения, а затем встаю.

Когда я подхожу к лестнице, он включает альбом «Величайшие хиты» группы «Guns N' Roses» так громко, что у меня сводит зубы. Однако я все равно могу его слышать. Я украдкой выглядываю из-за перил и обнаруживаю его на кухне. Если бы я не привыкла к подобному зрелищу, то решила бы, что багровый тон его кожи сигнализирует о необходимости срочной медицинской помощи. Но это — гнев. Пороховая бочка была заложена нынешней ночью. Искра, которая распалит его: счет за электроэнергию вдвое больше обычного. Это был сухой, жаркий август. Кондиционер работал на полную мощность.

Я едва могу видеть закругленный серый кусок металла на холодильнике. Там он хранит свой пистолет, чтобы оружие легко было достать. Говорит, что пистолет окажется не особенно полезным, если придется воспользоваться им во время

вторжения в дом. Однако именно об этом оружии я думаю каждый раз, когда он ведет себя подобным образом. В моей голове всегда один и тот же вопрос: сегодняшней ли ночью он доберется до пистолета?

В поле зрения появляется мама. Ее длинные рыжие волосы распущены и взлохмачены. Она направляется к стереосистеме.

Он бросается за нашей матерью. Каждый шаг отдается крошечным землетрясением в старом доме. Он, точно массивный, разрушающий шар, бежит вслед за мамой. Ее рука в тот момент касается колеса звука.

Он отталкивает женщину. Та отлетает назад к стене. Когда она ударяется, отваливается кусок штукатурки. Мама безмолвно потирает плечо.

В грудной клетке замирает страх. Он машет своими никчемными перепуганными крыльями, пока я крадусь вверх по лестнице.

— Она в порядке, — говорю я девочкам. — Но мне нужно позвонить в полицию.

— Телефона нет, — напоминает мне Кэмпбелл. Когда подобное начинается, он вырывает телефонный шнур из стены. И держит кабель на кухонном столе — на виду, но совершенно бесполезный.

— Я иду за помощью. — Я выглядываю в окно. Кэм это замечает.

— Слишком высоко? — спрашивает она. Если сестра и боится, то скрывает это. Даже в свои тринадцать Кэмпбелл — образец самоконтроля.

Ее лицо и даже голос спокойны. Она понимает всю опасность нашего положения. К тому же сестра знает, как скрыть это от Джунипер.

— Не очень. — Я вылезаю в окно на крышу, которая покрывает наше крыльцо. Воздух все еще тяжелый. Он отягощен всем, что не в силах больше удерживать. Мне известно то чувство, когда несешь что-то не свое. Скоро небеса разверзнутся.

Снаружи я останавливаюсь и оцениваю ситуацию. Может, он не найдет их снаружи. По крайней мере, не сразу.

— Полежайте сюда, — говорю я им и указываю на дальний угол крыши в то место, где она соединяется с домом и образует небольшой закуток. — Все нормально. Это будет приключением.

Кэмпбелл перекидывает ноги через подоконник и ползет к углу крыши.

Джунипер колеблется.

— Лейтон, мне страшно, — вздрагивает она. Какая-то безумная часть меня благодарна за ее страх. Джунипер за свои девять лет, проведя так много похожих ночей за прятками во мраке, все еще понимает: это ненормально.

— Эй, малышка, посмотри на меня. Все будет в порядке. Ты просто устроишься наверху с Кэмпбелл на несколько минут. О, возьми с собой медвежонка.

Я снова проникаю в комнату, в очередной раз перелезая через балкон, и тянусь к изножью кровати. Мягкие пушистые ворсинки наполняют ру-